

Прага в судьбе семьи Вернадских

Марина Ю. Сорокина (Москва)

Prague and the Fate of Vernadsky Family

The article focuses on the fate of the Russian academic diaspora and some of its members (Vernadsky Family) in the context of the political exile at the first half of the 20th century. Russian scholarly emigres had a significant impact on the development of Russian science and certain scientific disciplines. The history of this community in Czechoslovakia is of particular interest as a model for the integration of positive interaction between government, society and academia in exile. The value of the „Russian action“ of the Czechoslovak government, over the years supported refugees from Soviet Russia, including scientists, far beyond the purely historical and scientific perspective and reveals the overall mechanisms of cultural cooperation in the crisis period.

Key words: academic diaspora, emigres, emigration, crisis

В последние десятилетия судьба российской научной диаспоры, оказавшей в XX веке значительное влияние на развитие многих национальных наук и отдельных научных дисциплин, привлекает большое внимание исследователей. История этой диаспоры в Чехословакии особенно интересна как модель позитивного интеграционного взаимодействия власти, общества и научного сообщества страны-реципиента и научных мигрантов. Значение «Русской акции» чехословацкого правительства, на протяжении ряда лет поддерживавшего беженцев из Советской России, в том числе ученых, далеко выходит за пределы исключительно историко-научной проблематики и раскрывает в целом механизмы культурного сотрудничества в кризисные эпохи.¹⁾

Однако в поле зрения историков оказались прежде всего представители гуманитарных дисциплин, а также российские ученые-эмигранты с мировой известностью. Изучение естественнонаучных и междисциплинарных научных сообществ ведется пока менее интенсивно. Между тем, в первой половине XX в. представители этих сообществ выступили с инициативой целого ряда международных научных проектов со стартовой площадкой в странах эмиграции, предложив новые варианты совместной реализации «своего» и «другого» научного потенциала.

Персональный состав российской научной диаспоры в Чехословакии, как, впрочем, и в других странах, складывался в это время из двух больших, хотя и не равновеликих, сегментов. Первый составляли научные специалисты, сформировавшие параллельное большевистской России научное пространство – широкую

1/ См.: Белошевская, Л. [ed.]: *Хроника культурной, научной, и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике*, 1-2. Прага, 2000-2001. – Досталь, М. Ю. [ed.]: *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. Сборник статей. Москва 2008. – Andreyev, C. – Savický, I.: *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938*. New Haven – London 2004.

национальную научную инфраструктуру (институты, учебные заведения разных уровней, академические группы, общества, профессиональные союзы, издательства, журналы и т.п.). Второй – ученые, сделавшие индивидуальную карьеру в научных институциях стран пребывания. Стресс «эмиграцией» обернулся для них существенным позитивным импульсом и многие из них стали основателями новых научных школ и направлений, возглавили лаборатории, институты или кафедры. Оставаясь в институциональных и языковых пределах российской науки, они вряд ли бы достигли таких высот в масштабах всего мирового научного сообщества.

Это разделение, с учетом неопределенности и непредсказуемости беженской судьбы, отражало представления различных групп российских ученых, о том, какими путями должно развиваться современное научное познание. Конфликт идеологий «национального» и «интернационального» научного строительства, катализированный Первой мировой войной и ее политическими и культурными последствиями, затронул все региональные научные сообщества, но по-разному проявился в них. Так, в Европе и США получили поддержку усилия по созданию международных научных институций в рамках программ различных благотворительных фондов и частных инициатив меценатов от науки. После прихода к власти в Германии нацистов (1933 г.) эта тенденция значительно усилилась за счет притока немецкоговорящей научной эмиграции.

В то же время в советской академической среде получила значительное распространение идеология «научного творчества как национального дела». «Я твердо верю и понимаю только национальную (русскую) науку, – писал В. И. Вернадскому в 1924 г. один из руководителей Российской Академии наук академик А. Е. Ферсман, – и большевики нас научили национализму».²⁾ В советском контексте поддержка академиками лозунга и стратегии создания «новой науки» как «национальной» совершенно естественно вписалась в сталинскую стратегию формирования автаркийного общества («построение социализма в одной стране») и обеспечило привилегированное положение научного сообщества в СССР при одновременной изоляции его от внешнего мира.

Российская научная диаспора в Чехословакии в полной мере испытала трудности поиска и актуализации новой личностной (этнической, конфессиональной, политической и др.) и профессиональной самоидентификации. Многие «новые» эмигранты довольно долго пребывали в «чемоданном» настроении, ожидая возвращения на родину, и вовсе не стремились интегрироваться в новую профессиональную среду. В дореволюционные годы большинство из них не имело личных контактов с чехословацкими коллегами, плохо знало (или не знало совсем) состояние чешской и словацкой научной мысли и в эмиграции довольно высокомерно относилось к чехословацкой науке как провинциальному сообществу.

Приехавший в Прагу летом 1922 г. академик Владимир Иванович Вернадский чутко уловил это настроение и с горечью отметил в дневнике, что жившие там

2/ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив, BAR) Колумбийского университета (США). George Vernadsky Coll. B. 86. F. 1924-1.

русские – и эмигранты, и советские чиновники – «в значительной мере стоят в стороне от ... чешской мысли. Многие даже совсем ее не видят»; более того, «чехи гораздо более знают и русский язык, и русскую литературу, чем русские. [...] Отзывы русских о чешском искусстве очень поверхностны. [...] Изящная чешская литература остается для русских закрытой и чуждой. Сегодня говорил Петру Бернгардовичу Струве о желательности в “Русской Мысли” знакомить русских с культурной чешской работой. Говорит, что мало знают чешский язык, завалены работой».³⁾ В то же время академик отметил свое удивление от новых чешских научных журналов: «Впечатление большое: огромной культурной работы там происходящей. И в то же время всюду следят за новой мыслью и новыми достижениями мировой жизни. Удивительно обилие специальных органов – химических, технических, естественно-исторических, математических и т.д.».⁴⁾

В истории знаменитой научной семьи Вернадских Прага и Чехословакия всегда играли особую роль. Если известные чеховские герои ностальгически повторяли: «В Москву, в Москву!», то у Вернадских часто звучало иное: «В Прагу, в Прагу!». Основатель династии, профессор политэкономии и общественный деятель Иван Васильевич Вернадский (1821-1884) в молодости мечтал стать ученым-славистом. Он много путешествовал по славянским странам и собирался переехать в Прагу, чтобы издавать независимую либеральную русскую газету.⁵⁾ Этот замысел реализовать не удалось, но образ Праги как символа свободы творчества и влиятельного центрально-европейского интеллектуального центра Иван Вернадский передал сыну Владимиру, будущему академику Вернадскому.

Минералог и кристаллограф по прямой научной специальности, методолог науки и философ по призванию, один из основоположников учения о биосфере и концепции ноосферы, действительный член Императорской Академии наук с 1912 г., Владимир Иванович Вернадский (1863-1945), впервые побывал здесь летом 1873 г. в возрасте 10 лет во время путешествия с родителями по Европе. В следующий раз он приехал в Прагу в августе 1902 г. и с этого момента на протяжении нескольких десятилетий тесно сотрудничал с чешскими и словацкими естествоиспытателями – профессорами Богумилом Немецем, Радимером Кеттнером, Францем Ульрихом, Яном Каспаром, Жозефом Бабичеком и др.⁶⁾

3/ Вернадский, В. И.: *Дневники*, март 1921 – август 1925. Москва 1998, с. 66-67.

4/ Там же, с. 66.

5/ Сохранились его дневниковые записи поездок в 1843-1844 гг. в Прагу: Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 518 (В. И. Вернадский). Оп. 6. Д. 27.

6/ См.: Обригел, И.: *Чешские корреспонденты Вернадского*. In: Прометей: Историко-биографический альманах, 15. Москва 1988, с. 341-344. – Апанович, Е. М.: *Научные связи В. И. Вернадского со славянскими странами*. In: Яншин, А. Л. [ed.]: *Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского*. Сборник научных трудов. Ленинград 1989, с. 352-370. – Горяинов, А. Н.: *Академик В. И. Вернадский о «славянской идее», славянском научном сотрудничестве и культурном единстве*. In: *Славянский альманах*, 1996. Санкт-Петербург 1997, с. 201-208. – Сорокина, М. Ю.: *Россия и Украина в научном наследии В. И. Вернадского: исторические судьбы славянства*. In: *Научное наследие В. И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации*. Москва 2001, с. 118-131. Письма ныне доступны для чтения в Интернете: <http://www.ras.ru/vivernadsk-archive/about.aspx>

В архиве Вернадского переписка с коллегами из Чехословакии, славившейся своей естественнонаучной и геолого-минералогической научными школами, – самая большая по объему из всех зарубежных контактов академика и, пожалуй, наиболее теплая по характеру взаимоотношений.

Самым близким коллегой русскому академику стал чешский геолог Франтишек Славик (1876-1957), профессор пражского Карлова университета (1910-1947), директор его Минералогического института (с 1916). Их заочное знакомство произошло в июне 1901 г., когда Славик, в то время ассистент профессора К. Врбы, направил первое, написанное по-чешски, письмо В. И. Вернадскому.⁷⁾ В 1903 г. состоялась их личная встреча на Венском геологическом конгрессе, и в дальнейшем Славик всегда подписывал свои письма Вернадскому: «Ваш ученик».⁸⁾ На протяжении многих лет ученые обменивались образцами минералов, научными новостями и публикациями.⁹⁾ Их связывали не только научные интересы, но и общие демократические общественные взгляды.¹⁰⁾ Неудивительно, что, когда переживший ужасы гражданской войны и большевистского террора В. И. Вернадский приехал в Чехословакию в июне 1922 г., профессор Ф. Славик сразу протянул руку помощи и предложил прочитать курс лекций по биогеохимии и радиогеологии в Карловом университете. С этого момента Вернадский, остававшийся гражданином СССР, почти ежегодно посещал Чехословакию и прежде всего Прагу, где в эмиграции жили его дети – историк Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973)¹¹⁾ и психиатр Нина Владимировна Вернадская (в замужестве Толль; 1898-1986). Именно профессор Славик выполнял самые деликатные поручения русского коллеги в контактах с ними: передавал денежные средства, устраивал врачебную практику Нине, рекомендовал врачей для самого академика.¹²⁾

Дети В. И. Вернадского, в отличие от отца, никогда не вернулись в Советскую Россию и в течение многих лет жили и работали в Праге. Бывший

7/ АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 225.

8/ В архиве В. И. Вернадского сохранились 67 писем Ф. Славика и несколько черновиков писем В. И. Вернадского ему.

9/ Последнее было особенно важным, т.к., по словам Ф. Славика (1907), «книжные магазины русские страшно медленно присылают выписанные книги за границу, как я уже несколько раз должен был убедиться, што через Лейпциг скорее получиш русскую книгу, чем прямо из России» (АРАН.Ф. 518. Оп. 3а. Д. 225. Л. 23-24). Орфография Славика.

10/ Так, пытаясь в [1906 г.] устроить издание публицистической статьи В. И. Вернадского в Праге, он писал: «Пора уже была, чтобы наши журналы с серьезного русского места слышали несколько слов о своих дурных соотношениях к русским делам и видели, как бессовестно их сочувствование самодержавию» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 225. Л. 46-47 об.).

11/ О его судьбе и архиве см.: Козляков, В. Н.: *Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке*. In: Вернадский, Г.: *Русская историография*. Москва 1998, с. 395-444. – Сорокина, М. Ю.: *Георгий Вернадский в поисках «русской идеи»*. In: *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. Москва 2001, с. 330-347. – «Очень горько мне...»: *Письма Георгия Вернадского*. [Публ. М. Сорокиной.] Источник 1999, № 1, с. 45-56; Болховитинов, Н. Н.: *Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США*. Москва 2005; и др.

12/ См.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 226. Л. 7, 22, 27-27об.

крупный чиновник гражданской администрации барона П. Н. Врангеля в Крыму (1920), помощник П. Б. Струве, Георгий Вернадский приехал сюда из Греции вместе с женой Ниной Владимировной (ур. Ильинская, 1884-1971) ранней весной 1922 г. в рамках «Русской акции» и провел в Праге пять лет до 1927 г. Профессор Русского юридического факультета, он подготовил и издал здесь одни из лучших своих научных работ – монографии *Государственная Уставная грамота* (1925) и *Начертание русской истории* (1927). Последняя представляла собой своего рода концептуальный эскиз будущей многотомной йельской *Истории России*, которую Г. В. Вернадский совместно с М. М. Карповичем опубликовал уже в США и которая сделала его одним из самых известных историков России в XX веке.

Нина Вернадская, в годы гражданской войны сопровождавшая отца в его скитаниях по России, сначала училась в Академии художеств в Киеве (1918-1919), затем на физико-математическом факультете Таврического университета в Крыму (1920-1921) и в Военно-медицинской академии в Петрограде (1921-1922). Приехав с академиком в 1922 г. в Чехословакию, она осталась здесь, став «невозвращенкой». Прага оказалась для Нины Вернадской одновременно надежным убежищем и местом обретения себя: здесь она окончила медицинский факультет Карлова университета (1926) и впервые начала профессионально работать по психиатрии, здесь она встретила свою любовь – археолога и искусствоведа, сотрудника Кондаковского семинария Николая Петровича Толля (1894-1985) и вышла за него замуж. В Праге родилась их, единственная для всех Вернадских, дочь Татьяна (1929-1999). Несмотря на то, что в 1939 г. Толли эмигрировали в США, где Нина имела частную психиатрическую практику в Миддлтауне (шт. Коннектикут), а Н. П. Толль сотрудничал с Йельским университетом, они никогда не забывали свое чешское «месторазвитие».

Интересной особенностью Вернадских была мировоззренческая и профессиональная полярность ее членов. Владимир Вернадский был естествоиспытателем и академиком, его сын – гуманитарием и приват-доцентом, дочь – медиком. Старший Вернадский слыл известным либералом, одним из основателей и членом ЦК конституционно-демократической партии, младший – националистом и монархистом. Если академик называл себя верующим атеистом и философским скептиком, то его сын и дочь принадлежали к православию. В то же время, как писал В. И. Вернадский в 1920 г., «сын ... русский без всяких украинских симпатий, а дочка украинка, в этой области душевно близкая мне».¹³⁾ Наконец, в пространстве этой семьи пересеклись и все, кажущиеся несовместимыми, варианты гражданского отношения к новой советской власти – «белоэмигрант» (Г. В. Вернадский), «невозвращенец» (Н. В. Вернадская)¹⁴⁾ и «возвращенец» (В. И. Вернадский).

13/ Цит. по: Сергеев, А. – Тюрин, А. [edd.]: *История полувековой дружбы*. In: *Минувшее. Исторический альманах* 18. Москва – Санкт-Петербург 1995, с. 384.

14/ Об этой категории эмигрантов см. новейшую монографию: Генис, В. Л.: *Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920-1933)*, 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920-1929). Москва 2009.

Однако, в отличие от большинства семей российской интеллигенции, изнутри расколотых мировоззренческими конфликтами, «иное» не развело Вернадских. Абсолютный приоритет универсальных ценностей, семейных и научных, обеспечил устойчивость их отношений. В то же время, перемещаясь между различными сегментами российского научного зарубежья и советской метрополии, они выполняли роль медиатора и хранителя среды всего научного сообщества. В этой перспективе Прага виделась Вернадским не только и не столько местом вынужденной ссылки, сколько пространством, исторически, географически и ментально предназначенным для реализации международных научных проектов, независимых от изменяющейся политической конъюнктуры.

Новое понимание жизненной и научной миссии академик Вернадский сформулировал весной 1918 г. в оккупированной немцами Полтаве: «Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства. И я нахожу эту опору в свободной мысли, в научной работе, в научном творчестве».¹⁵⁾ Зимой 1920 г. он заболел тифом, во время которого пережил видение будущей жизни и, в частности, создание Института живого вещества: «Этот институт, международный по своему характеру, т. е. по темам и составу работников, должен был являться типом тех новых могучих учреждений для научной исследовательской работы, которые в будущем должны совершенно изменить весь строй человеческой жизни, структуру человеческого общества».¹⁶⁾ С идеей организации такого института академик и приехал в Европу летом 1922 г. Он пытался инициировать проект в США и Франции, но не встретил понимания ни среди меценатов, ни у коллег.

Третьей страной, в которой ученый надеялся найти поддержку своим планам, стала Чехословакия. В 1924 г. В. И. Вернадский предложил идею об образовании международного центра геохимической работы в Праге профессору Ф. Славичу, в то время декану естественнонаучного факультета Карлова университета. «Понимаю, как это трудно устроить, – писал он старому другу, – может быть, обстоятельства и не позволят это сделать. Но если даже не удастся, мне хочется попробовать добиваться его осуществления в Праге – для меня сделать для этого все от меня зависящее есть моральный долг. Я глубоко уверен в огромном будущем – ближайшем – значения геохимической исследовательской работы и для практической жизни и для развития человеческой мысли, для успехов других наук, в частности, биологии, геологии, химии, минералогии. Это развитие невозможно – или будет идти очень медленно – без создания научного центра. Сейчас такого центра нет».¹⁷⁾

Создание нового научного центра Вернадский прямо связывал с необходимостью славянского культурного возрождения: «Я бы хотел, чтобы такой центр создался в славянских странах, т.к. сознаю огромное значение для жизни народа,

---

15/ Вернадский, В. И.: *Дневники: 1917-1921*, 1: октябрь 1917 – январь 1920. [Сост. М. Ю. Сорокина и др.] Киев 1994, с. 62.

16/ Там же, 2: январь 1920 – март 1921. Киев 1997, с. 36.

17/ АРАН. Ф. 518. Оп. За. Д. 226. Л. 32-33.

для его морального веса в мировой жизни – идущей в нем творческой работе мысли. В славянских странах это возможно в Праге и в России». ¹⁸⁾ Однако, и здесь академика ожидала неудача. Несмотря на сочувственное отношение к идее Вернадского, Славик сообщил ему, что «при настоящем положении финансов Республики можно только так поступать, чтобы Вы были приглашены читать – предлагаю предварительно двухсеместровый курс геохимии на нашем факультете (на русском языке – можно) в 1926 г., начиная летним семестром, т.е. с половины февраля». ¹⁹⁾ Понимая, как тяжел этот отказ для ученого, вынужденного, по словам Вернадского, возвращаться «в условия рабской жизни», профессор Славик деликатно добавил: «Я еще прошу Вас позволить мне и моим коллегам, в знак глубокого уважения к Вам и оценивая Вашей научной работы и Ваших симпатий к нашему народу, предложить Вас в заграничные члены нашей Академии наук». ²⁰⁾

В отличие от отца, Георгий Вернадский реализовал в Праге свой научный проект и вместе с коллегами создал небольшой, но ставший очень известным, международный гуманитарный научный центр – Кондаковский семинарий (*Seminarium Condakovianum*), выросший затем в Археологический институт им. Н. П. Кондакова. Семинарий с самого начала позиционировал себя представителем «чистой науки», не связанной национальными или политическими границами. Его «наднациональность» достигались гибкой организационной структурой, в основе которой лежала модель сотрудничества между основным ядром-центром Семинария и членами-сотрудниками из разных стран, а также независимыми от русских эмигрантских организаций источниками финансирования. Разумеется, такое положение имело и свои преимущества, и свои недостатки. Последние было необходимо постоянно минимизировать, и, несмотря на отъезд в 1927 г. в США, Г. В. Вернадский продолжал активно участвовать в руководстве и деятельности Кондаковского семинария, которому все более не хватало известного в научных и общественных кругах лидера. В 1931 г. обсуждалась возможность возвращения Г. В. Вернадского в Чехословакию уже как единоличного директора Семинария / Института. Позднее, совместно с Джоном Крейном, он пытался укрепить экономическое и правовое положение института, аффилировав его с американским Византийским институтом или *American Council of Learned Societies*. Такой подход разделялся далеко не всеми сотрудниками Института и тем более его европейскими покровителями, но высокая личная репутация Г. В. Вернадского была вне сомнений и в феврале 1935 г. его единогласно избрали председателем правления Кондаковского института.

Этот год был особенным и в судьбе Чехословакии, и в судьбе института – после отставки в декабре 1935 г. Т. Г. Масарика вторым президентом Чехословакии стал Эдуард Бенеш (1884-1948). В течение 17-ти лет он возглавлял министерство иностранных дел Чехословакии и постоянно оказывал Кондаков-

---

18/ Там же.

19/ Там же. Д. 225. Л. 48.

20/ Там же. Л. 49 об. В 1926 г. В. И. Вернадский был избран иностранным членом Чешской Академии наук и искусств.

скому институту финансовую и моральную поддержку. Между тем, дипломатические шаги Бенеша в сторону сталинской Москвы, заключение в мае 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, заставляли кондаковцев волноваться за будущее института. По-видимому, именно этим обстоятельством была обусловлена личная встреча Георгия Вернадского и Эдуарда Бенеша 5 сентября 1935 г. Дневник историка сохранил запись об аудиенции во «Дворце Черни» (Чернинском дворце), которая показывает, что диапазон беседы был чрезвычайно широк и касался ситуации в мире в целом:²¹⁾

I. Бенеш принимал меня более часу. Был очень любезен. Sednük [sic!] заранее спросил, на каком языке я хочу говорить. Я сказал, что русский или английский – для меня безразлично. Бенеш предпочел говорить по-русски, изредка вставляя английские и чешские слова. По-русски он говорит совершенно свободно, иногда только [делает] неправильные ударения или коверканное слово. По-английски, судя по некоторым фразам его, он говорит неважно. По-французски он некоторые слова вставлял с плохим произношением.

Бенеш спросил сначала, что именно мне хочется выяснить. Я поставил как первый вопрос – как он смотрит на роль славянства.

В славянском вопросе многое изменилось после войны, но некоторые трудности остались. «С поляками невозможно».²²⁾ Все же славянская политика может быть проводима. «С Югославией у нас alliance вот уже 17 лет». Теперь немцы, мадьяры, поляки говорят, что есть опасность нового панславизма, что я панславист.

Это неверно. В том смысле, как панславизм понимали раньше, панславизм умер. Он был придатком царского империализма. Я против такого панславизма или вообще романтического славянофильства. Я реалист, конкретный человек. Преподанной славянской политики не существует. Надо новое. Теперь Чехия самостроительная, а Россия – советская. Россия вернулась в Европу. Константы русской политики те же. Географические, экономические, условия связывают Россию с Центральной Европой и Средиземноморьем. Это неизбежно. «Я хочу, чтобы Россия была как прежде в Центральной Европе». Версальский мир не мог быть прочен. Из боязни возрождения Германии Франция заключила союз с Польшей – последняя заменила Россию. Польша не могла играть этой роли. Пилсудский боялся быть раздавленным между Россией и Германией и предпочел прилепиться к Германии. «Я не могу считаться с Польшей, а должен считаться с Францией и Россией».

Базис новой славянской политики должен быть географический.

Я беседовал со Сталиным – присутствовали Молотов, Литвинов. Я ему говорил: «Вы марксист, я не марксист. Но вы должны признать, что есть психологические факторы, которые действуют как реальная сила». Сталин мне ответил, что он понимает, что есть невесомые факторы, чувства, с которыми нельзя не считаться в политике.

Бенеш: Но, конечно, есть вредные идеологические концепции, которых надо избегать.

Сталин: Концепции старого русского славянофильства связаны были с империализмом.

Затем Бенеш продолжил свое рассуждение:

– Я не боюсь сближения с Советской Россией в смысле влияния на Чехию. «У нас не будет большевизма». 95% нашего народа поддерживают мою точку зрения.

21/ VAR. George Vernadsky Coll. B. 103.

22/ Так в оригинале. Здесь и далее слова Э. Бенеша закавычены Г. В. Вернадским.

«Я соединил нашу политику с Францией, чтобы было ясно, что это не панславизм. Европа боится панславизма и боится, что русский колосс будет большевицким. Но в Европе не будет равновесия, пока Россия остается вне Европы, в Евразии.

Конечно, большевик должны будут выбросить из своей политики Коминтерн.

Я говорил им в Москве: если в Чехии будет коммунистическое восстание, я раздавлю их.

Они сейчас откладывают в сторону идеи мировой революции. Но потом уж им не так легко будет вернуться.

В России эволюция неизбежна. Уже сейчас там нет социализма, а есть комбинация индивидуального и коллективного принципа. Базис – кооперативный строй. Советы нормализуются. Без большевиков не было бы ни такой широкой аграрной реформы, ни такой быстрой индустриализации России. Большевики уже отбросили много прежней идеологии.

Через несколько лет или десятилетий европейские режимы эволюционируют: правые – налево, левые направо.

Муссолини, Хитлер, Сталин – уже сбавили тон, перестали говорить, что режим каждого универсален и должен распространиться по всей земле.

Эволюция большевиков придет – может быть, и не так скоро, но отчасти уже и пришла.

II. Как смотрит Бенеш на будущее демократии в Европе?

Бенеш: в России все-таки больше свободы, чем в Германии и Италии, т.к. есть самокритика. Сами большевики высказываются свободно. А вспомните в Германии Reich. Демократия в Чехии прочна. «Мы сохранили и сохраним демократию. У нас ничего не изменилось. Причины тому – исторические. У нас всегда было больше политической эдукации, дух демократии более развит. Чехи провели первую религиозную революцию (Гус). «Мы выиграла войну». Кризис после войны у нас не так был глубок («другой дирекции»). Мы имели более развитой народ и лучший подбор вождей. «Народ выше, вожди лучше». «Мы богаче, чем другие». Поэтому кризис у нас не так был силен.

Как смотреть на будущность демократии – вопрос доктрины. Хитлер сказал, что его система на тысячу лет.

Муссолини тоже убежден в своей силе.

Мы знаем, что все диктатуры кратковременны. Диктатор выше сидит и потому, когда падает, разбивается. В Германии будет ужасный Zusammenbruch.²³⁾

III. Какова вероятность войны?

– Считается, что война будет через два-три года. Я надеюсь, что войны удастся избежать. Все чувствуют, что война принесет везде революцию. Никто не надеется от войны выгадать. Силы, которые могут предотвратить войну: Лига Наций, соглашение Англии, Франции, Советской России, Малой Антанты, Бельгии, Швейцарии. «Силы мира больше, чем силы войны». Италия – абиссинский конфликт? Опасность есть, но есть надежда, что или войны не будет или конфликт будет локализован.

Как известно, надеждам Эдуарда Бенеша не было суждено сбыться. Тем не менее, Кондаковский институт просуществовал до 1952 г., став одним из самых успешных «эмигрантских» международных гуманитарных проектов первой половины XX в.

Академик В. И. Вернадский последний раз посетил Прагу в октябре 1936 г. Он прожил еще девять лет, но за границу не выезжал. Столица Чехословакии оказалась последним зарубежным городом, в котором побывал ученый. Трагические события в Европе и последовавшая за ними Вторая мировая война навсегда разъединили семью Вернадских и надолго отложили создание «республики ученых».

Марина Ю. Сорокина